

Источник: Таганрогская правда

Дата выпуска: 17.10.2018

Номер выпуска: 121

Заглавие: Немцы в городе. 1918 год

Автор: Денис Фенский, Геннадий Шмидько

В этом году исполнилось 100 лет, как Таганрог был впервые оккупирован войсками Германии. Об этой трагической странице истории нам и сегодня напоминают захоронения Старого кладбища – братские могилы горожан, расстрелянных оккупантами и белогвардейцами в 1918 году, памятник погибшим здесь же славянам, привезенным интервентами в наш город из Центральной Европы. Что же происходило в городе и в его окрестностях?

Вход кайзеровских войск

В марте-апреле 1918 года на Дону вспыхнули контрреволюционные мятежи, а затем немецкие войска, вероломно нарушив Брестский мир, подошли к границам Таганрогского округа. Все силы были мобилизованы для организации обороны. 27 апреля в городе была объявлена всеобщая мобилизация трудящихся от 18 до 40 лет. Из рабочих отрядов Красной гвардии сформировали 1-й и 2-й Революционные Таганрогские полки. Они противостояли войскам немецкой 20-й ландверной дивизии генерал-майора Густава Пауля фон Арнима. Целый день 30 апреля красные войска вели бой в районе станции Марцево, давая возможность остальным частям красных отступить к станции Морская и в район Таганрогского морского порта. К утру следующего дня полки были окончательно разгромлены, и 1 мая 1918 года в город вступили кайзеровские войска.

Из воспоминаний Леонида Давыдовича Зимонта (в мае 1918-го ему было 9 лет): «Сперва была слышна отдаленная артиллерийская стрельба. Потом город неожиданно опустел. С улиц исчезли вооруженные люди. Народа стало очень мало, как видно, все сидели по домам. А потом появились небольшие группы немецких солдат. Зеленовато-серая форма. Круглые стальные каски, совсем не похожие на те, которые я видел на картинках. Запыленные сапоги. Усталые, совсем не свирепые, как я ожидал, лица. Ехали какие-то добротнo сделанные повозки, запряженные плотными рослыми лошадьми с безобразно коротко обрезанными хвостами. Изредка раздавались негромкие, но очень четкие команды на незнакомом и показавшемся мне неприятным языке.

Артиллерия медленно двигалась по Петровской улице. Солдаты в сером ее сопровождали – это были исключительно пожилые люди лет сорока и более. Весь Таганрог шпалерами стоял по обе стороны улицы. Штаб-офицеры, кроме некоторых, верхом сопровождавших артиллерию, ехали в экипажах, время от времени раскланивались со стоящей публикой, таганрожцы отвечали поклонами и снимали шляпы, некоторые первыми кланялись немецким начальникам. Вообще не было похоже на занятие города неприятелем».

Режим оккупации

Все партийные, советские и военные организации города морем отправились в Ейск или Ростов, председатель Совета рабочих и солдатских депутатов А.К. Глушко ушел из города вместе с отрядами красногвардейцев. А захватившие Таганрог немцы установили режим оккупации. Из воспоминаний Леонида Зимонта: «Со 2 мая оккупация вошла в повседневный быт. Немцы оказались разными. В соседнем дворе было расквартировано несколько солдат. У них была великолепная серая овчарка. Собака ласковая, охотно давала лапу, смотрела на нас добрыми умными глазами. Солдаты тоже держались миролюбиво и, по крайней мере к нам, детям, относились хорошо. Ничего плохого я не видел и от других немцев. Но на улице нередко можно было встретить немецкого офицера, реже солдата, с

надменным выражением лица и холодным невидящим взглядом. От такого взгляда делалось неуютно и вспинались слышанные рассказы о зверствах пруссаков. Чуть ли не ежедневно комендант города издавал разные приказы. Я не знаю, печатались ли они где-нибудь, но как они доводились до сведения населения, помню хорошо. По улице четким шагом под тревожную барабанную дробь движется отделение солдат (человек десять) с офицером впереди. Громкая лающая команда. Солдаты замирают по стойке смирно. Барабан замолкает, и офицер на ломаном русском языке начинает громко читать: «Комендант города генераль такой-то прикасал...» и т. д. Прохожие останавливаются, слушают, иногда подходят ближе. Чтение кончается. Снова лающая команда, и под барабанную дробь маленький отряд продолжает путь, печатая шаг в лучших традициях прусской выучки, идущей, вероятно, еще с времен Фридриха Великого. Метров через двести все повторяется.

Однажды к нам пришли два немецких офицера. Держались вежливо. Интересовались доктором «Симонт». Отец очень плохо знал немецкий язык, в результате чего разговор шел на французском. Оказывается, они рассматривали отца как военнопленного (военный врач русской армии) и взяли с него устное обязательство (честное слово офицера), что он никуда не уедет без ведома комендатуры. Слово отец сдержал. Да и куда он мог поехать?

Против нашего дома на другой стороне Петровской улицы был небольшой пустырь, на котором мы часто играли. Немцы на нем устроили стоянку грузовых автомобилей. Тогда это была новость, во всяком случае, в Таганроге, где я до этого не встречал ни одного грузового автомобиля. Всего машин было штук 15. Выкрашены они в защитный цвет. Вместо теперешних баллонов колеса их были обтянуты сплошными резиновыми лентами прямоугольного сечения. Их называли грузолентами. На тяжелых грузовиках они встречались на протяжении всех двадцатых годов, кое-где, может быть, и в начале тридцатых. На мостовой такие автомобили ужасно гремели и так тряслись, что на шофера и пассажиров было страшно смотреть.

Хотя я ничего плохого от немцев не видел, все было на самом деле далеко не так мирно и спокойно. Были взяты заложники. Кажется 35 человек, как правило, из наиболее известных и уважаемых людей города. Одного из них я знал. Это был лучший фотограф Таганрога Рубинчик. Его фотография с большой вывеской находилась в кварталах в трех от нашего дома. На окраинах, по слухам, кого-то расстреливали, арестовывали, пороли. Но все это были лишь слухи. В какой мере они подтверждались, не знаю. В городе было тихо, но тревожно. Ясно одно – какие бы эксцессы ни происходили (а они, конечно, были), они не шли ни в какое сравнение с тем, что творили оккупанты и в Таганроге, и в других местах во время Великой Отечественной войны. Штаб группы немецких войск в Таганроге (кажется, это была дивизия) помещался недалеко от нас на углу Греческой улицы и переулка, название которого я забыл, в довольно большом, по масштабам города, двухэтажном особняке. У парадного подъезда спокойно, с винтовками на ремне, с плоскими примкнутыми нерусскими штыками, стояли два солдата. Переступая с ноги на ногу, они изредка перекидывались негромкими словами. В двери то и дело входили и выходили офицеры. Солдаты подтягивались, изображали какое-то подобие стойки «смирно», но, насколько я помню, винтовки у них оставались на ремне.

Кажется, во время немецкой оккупации (во всяком случае, в то лето) Таганрог подвергся сильной артиллерийской бомбардировке. Слово «большевики» снова было у всех на устах. Обстрел вела целая флотилия мелких, переоборудованных торговых судов. Жильцы дома переселились в подвал. Набралось человек 25. Было очень интересно жить в одной большой комнате с крошечными окошками под низким потолком, умываться во дворе из ковшика, конечно, если в это время не стреляли.

А город продолжал жить. В перерывах между бомбардировками люди бегали на базар, торопливо хоронили покойников, копались в садах и огородах, ходили на работу. В наш дом ни один снаряд не попал, если не считать многочисленных осколков. Многим соседям повезло меньше. Было повреждено здание окружного суда, метрах в двухстах от нас. Напротив него

стоял красивый одноэтажный особняк купца Ильченко. Снаряд ночью влетел в окно спальни, пробил стену и взорвался за пределами дома. Интересно, что при этом никто не пострадал, хотя в спальне спали дети. Конечно, далеко не везде все обходилось так благополучно. Снарядами был подожжен патронный склад. Несколько часов бушевал пожар под аккомпанемент непрерывной «стрельбы» рвущихся патронов».

Конечно, на самом деле всё обстояло далеко не так благополучно, как это виделось девятилетнему мальчику Лёне Зимонту. Заняв Таганрог, немецкие войска немедленно начали открытый грабеж предприятий города и близлежащих сёл. Они вывозили в Германию хлеб, мясо, металл, части машин. Не обошли и кожевенный завод, который работал с перебоями, – забрали не только продукцию, но и кожсырьё, материалы. Немалую помощь в этом оккупантам оказали руководители завода во главе с директором Плесние, который вернулся в город вместе с немцами.

Оккупанты, объединившись с внутренней контрреволюцией, установили жесточайший кровавый режим. Обвинение в большевизме считалось самым страшным и тяжким обвинением. Буржуазия вновь возродила городскую Думу. Положение рабочих стало крайне тяжелым. Цены на продукты питания резко возросли. Фунт говядины поднялся с 80 копеек до 1 рубля 80 копеек, сала свиного – с 1 рубля 40 копеек до 6 рублей 50 копеек, фунт печеного хлеба – с 11 копеек до 1 рубля 20 копеек, сахар – с 22 копеек до 9 рублей за фунт. Также повысились цены и на другие продукты питания (*«Большевистское подполье». Тагокружском, 1926, стр. 21).*

Вместе с немцами на Дон пришли белогвардейцы во главе с царским генералом Красновым. Собравшийся в начале мая в Новочеркасске «Круг спасения Дона» заявил об отмене всех декретов Советской власти. С помощью немецких штыков и казачьих нагаек восстанавливались буржуазно-помещичьи порядки.

Немецкие власти и красновцы начали массовые репрессии против рабочих, распустили организации, ликвидировали фабрично-заводские комитеты, запретив собрания и сходки, производили бесчисленные аресты. В сентябре в связи с начавшейся революцией в Германии немцы незаметно для населения исчезли из Таганрога, а через неделю-полторы в городе водворилось белогвардейское градоначальство. Утвердившийся полицейский порядок поддерживался карательными отрядами, расстрелами после военно-полевых судов и просто расстрелами «при попытке к бегству». Достаточно сказать, что в Таганроге в то время действовали четыре белогвардейские контрразведки: Кавказская, Донская, Добровольческая и 2-я Кавказская. В их обязанность входило искоренять всеми мерами и средствами малейшие признаки большевизма. Каждая разведка располагала специальными карательными отрядами, наводившими ужас на население.

Вооружённые отряды рабочих в Таганроге

Но вернемся к событиям весны 1918 года. Что происходило в городе перед началом оккупации?

Таганрогский военно-революционный комитет создал городской штаб по организации частей Красной Армии. На металлургическом заводе был сформирован заводской штаб под командованием бывшего руководителя боевой дружины прапорщика А. Филиппова. Начальником штаба утвердили рабочего-крановщика Дмитрия Тертышного. Началась запись добровольцев. Завод напоминал военный лагерь. После работы двор превращался в полигон, где проводились военные занятия с добровольцами.

Рабочие кожевенного и других заводов организовали революционные полки и отряды. Они ушли из города для соединения с частями Красной Армии. Одним из отрядов руководил военный инструктор кожевников Сигизмунд Клово. Этот отряд участвовал в боях за город Ростов, дрался против белогвардейцев на Кубани. Особо тяжелые бои пришлось вести отряду кожевников в районе станиц Уманской, Сосыки, Лягушовки и других. Красногвардейские

отряды металлургов вместе с другими защитниками города 30 апреля на линии Марцево – Неклиновка приняли бой с немцами. Но силы оказались неравными, пришлось отступить.

Как мы уже знаем, 1 мая 1918 года австро-немецкие войска, нарушив условия Брестского мирного договора, вторглись в Таганрог. Красногвардейские отряды города, объединенные в 1-й Таганрогский революционный полк под командованием Дмитрия Тертышного, с тяжелыми боями уходили через сальские и калмыцкие степи к Царицыну.

В Таганроге вновь возродилась городская Дума. Фабрично-заводские комитеты, советы старост и другие рабочие организации были распущены, а собрания и сходки запрещены. Начались репрессии против активистов.

Через три дня после оккупации города на металлургическом заводе появилась немецкая охрана. Вышел приказ: рабочим-металлургам явиться на завод. Но явились лишь единицы. Словом, немцы так и не сумели организовать никакого производства, кроме подковывания лошадей и ремонта походных бричек.

Красный десант: начало

Летом 1918 года советское командование отдало приказ: форсировав Таганрогский залив, освободить город от немецких войск. Этому предшествовали следующие события.

В связи с тем, что железнодорожная линия Таганрог – Ростов в апреле была забита составами, городской штаб обороны принял решение произвести отступление морем в город Ейск, единственный порт Приазовья, который находился в руках Советской власти. Многочисленные корабли, стоявшие в Таганрогском порту, приняли на борт красногвардейские отряды, раненых и больных, ценное имущество.

1 мая войска Германии при поддержке войск УНР (Украинская Народная Республика) вступили в Таганрог. Через несколько дней они заняли Ростов-на-Дону. Однако дальнейшее продвижение оккупантов приостановили части Красной Армии и рабочие отряды. Неоднократные попытки интервентов занять Батайск – важный железнодорожный узел – были отбиты. Командование Красной Армии на Кубани пыталось развернуть активные боевые действия, стремясь вырвать инициативу из рук противника. К июню 1918 года в Ейске скопилось несколько частей Красной Армии, которые под напором немцев вынуждены были искать убежище на Кубани, а точнее – в Кубано-Черноморской Советской республике. Из этих частей, а также из жителей Ейска, Приморско-Ахтарска, Уманской, Староминской и других станиц северо-западной части Кубани сформировали дивизию.

Вооруженные суда таганрогского отряда пополнили ряды только что созданной Красной Азовской флотилии. Несмотря на немногочисленность, флотилия оберегала морское побережье от Тамани до Ейска, выполняла боевые операции против немецких интервентов и белогвардейцев на Азовском море.

Неизвестно, насколько правительство этой самой Кубано-Черноморской Республики подчинялось правительству Ленина, но командование Красной Армии на Кубани решило морем переправить свою дивизию в Таганрог и отбить город. План этой военной операции был заранее авантюрным, силы – явно неравными, ведь на Украине в то время находилась хорошо вооруженная полумиллионная немецкая армия. К тому же уже действовал Брестский договор с немцами, подписанный Лениным (немцы в нарушение договора заняли наши города).

В первой половине июня десантная операция началась. Отряд в количестве до восьми тысяч человек грузился на утлые суда Азовской флотилии и отправлялся в сторону Таганрога. В состав десанта вошли: 1-я внеочередная дивизия, состоящая из Кубанского, Ейского, Ахтарского пехотного и Кубанского кавалерийского полков, артиллерийская бригада из трех батарей по четыре орудия в каждой и конно-пулеметная команда. Десант состоял в основном из рабочих Таганрога, крестьян и казаков кубанских станиц. Планом предусматривалось, что

в момент высадки десанта командующий войсками Доно-Кубанского фронта И.Л. Сорокин поведет наступление на Ростов и тем самым отвлечет немецкие войска на себя.

Десант предполагалось высадить в Таганрогском порту. Для этого был выработан подробный план высадки. Красные войска должны были двигаться в четырех направлениях по спускам Никольскому, Биржевому и Воронцовскому, а также в направлении кожзавода и быстро занять с тыла железнодорожный узел станции Таганрог. Руководство десантом возлагалось на командира первой внеочередной дивизии Сигизмунда Клово. Двадцатипятилетний Клово, таганрожец, бывший офицер, принимал активное участие в создании красногвардейских отрядов в Таганроге. В Ейск он эвакуировался со своим отрядом и возглавил десант.

Трагический финал

Первая группа кораблей и судов Азовской флотилии с десантниками на борту ушла из Ейска 7 июня, спустя сутки – вторая. При подходе к Таганрогу стала очевидной полная неподготовленность операции. Моряки не знали фарватера, корабли садились на мель, поэтому вплотную к берегу подойти не удалось, добираться пришлось на баркасах местных рыбаков – в район усадьбы Лакиера, в сёла Новозолотое, Боцманово, Поляковка, Весёлое. На море был шторм, из-за которого высадка заняла целых трое суток. Немцы успели подготовиться – бой завязывался, едва десантники ступали на землю. Медленно тесня кайзеровцев и белоказаков, бойцы продвигались в сторону Федоровки. Они захватили почти весь Миусский полуостров, но прорваться к городу не смогли. Немецкое военное командование выставило заслон и начало срочно перебрасывать под Таганрог боеспособные части. Корабли же красной флотилии не сумели выполнить главную задачу – перебросить под Таганрог еще одну десантную дивизию. Они то двигались навстречу появившимся вражеским судам, то обстреливали врага на побережье.

13 июня немецкое командование бросило в бой все силы, которые смогло «наскрести» в других городах, – дивизию из Мариуполя, кавалерийскую бригаду из района Белой Калитвы, три батальона из-под Батайска, большое количество артиллерии. Пополнились и казачьи Красновские части, принимавшие самое активное участие в боях против десанта.

Усиленным артиллерийским огнем немцы стали отеснять десантников на побережье, выстраивая с трех сторон линию цепей. Положение становилось всё хуже и хуже – боеприпасов было мало, отстреливаться приходилось всё реже. Несмотря на яростное сопротивление (десантники поднимались в штыковые контратаки), немцы прижали их к берегу и расстреливали почти в упор. Десант погибал. Корабли Азовской флотилии ушли в море, а вместе с ними командир десанта Сигизмунд Клово.

Управления десантными группами не было, связь между ними отсутствовала. Красноармейцы вели разрозненные бои на большом расстоянии, и лишь двум тысячам человек удалось добраться до своих судов. Остальных же, а их было, по разным данным, до шести тысяч, ждала печальная участь.

Немцы не стали брать окруженных в плен (Москва сразу же отмежевалась от десанта, поэтому международные нормы обращения с пленными на его бойцов не распространялись). Их просто сгоняли к берегу моря, ставили группами по 50-100 человек на край высокого обрыва и расстреливали из пулеметов. Таким же образом погибали десантники в селах Боцманово, Поляковка, Гаевка и Лакедемоновка, на Золотой и Беглицкой косах, в других местах. В плен попали и 76 женщин. Это были врачи, медсестры, санитарки. Их немцы загнали в море, глумились над ними, затем расстреляли. Схваченный командир бригады Лебедев перед казнью попросил у немцев слова. Те согласились. Заявив, что все красноармейцы являются мобилизованными, только командный состав – добровольцы, он крикнул своим: «Разбегайтесь!», а сам бросился на немецкий пулемет. И тут же был сражен его очередью.

Еще в течение месяца белоказаки прочесывали прибрежные селения, расстреливая и обнаруженных там красноармейцев, и рыбаков, давших им укрытие.

Германские войска ушли, белогвардейцы остались

Приняв на борт добравшихся до судов десантников, Красная флотилия отправилась в Ейск и Семибалки. В Ейске Клово, его помощник Зимченко и командующий флотилией Герштейн были заподозрены в измене и арестованы. Когда начался суд, в здание прибыла группа раненых десантников с ручными бомбами и потребовала освободить обвиняемых. Суд не состоялся.

Клово разрешили выехать к главкому Калнину. Заслушав доклад руководителя Красного десанта, он не нашел в его действиях измены. Клово продолжил службу в Красной Армии, а в августе 1919 года был схвачен белогвардейцами и расстрелян. Таганрогские же рабочие полки еще почти год воевали на Кубани и Северном Кавказе, пока из-за больших потерь не были влиты в другие части.

Красный десант потерпел полное поражение, погибли тысячи его бойцов и командиров. Сказались слабое вооружение и малый боезапас. Да и таганрогский пролетариат не оправдал ожиданий, не подняв восстание в тылу оккупантов. После разгрома десанта большевистское правительство под нажимом немцев направило в Ейск радиogramму о немедленной ликвидации Черноморско-Азовской флотилии, принявшей активное участие в этой трагической операции. Корабли разоружили, с них сняли всё оборудование и двигатели.

После Гражданской войны трагедия какое-то время была на слуху: устанавливались памятники, создавались музейные экспозиции, писались книги и статьи. Но события, связанные с Великой Отечественной войной, а затем развал Советского Союза погребли под собой память о Красном десанте. Памятники обветшали, устаревшую диораму демонтировали, и слабым напоминанием о случившемся осталось только название населенного пункта, расположенного неподалеку от нашего города.

А что же Таганрог? 1 сентября 1918 года из-за сложных событий на Западном фронте немецким командованием было принято решение оставить его в пользу белой армии. Под властью Белого движения город оставался до 1920 года.